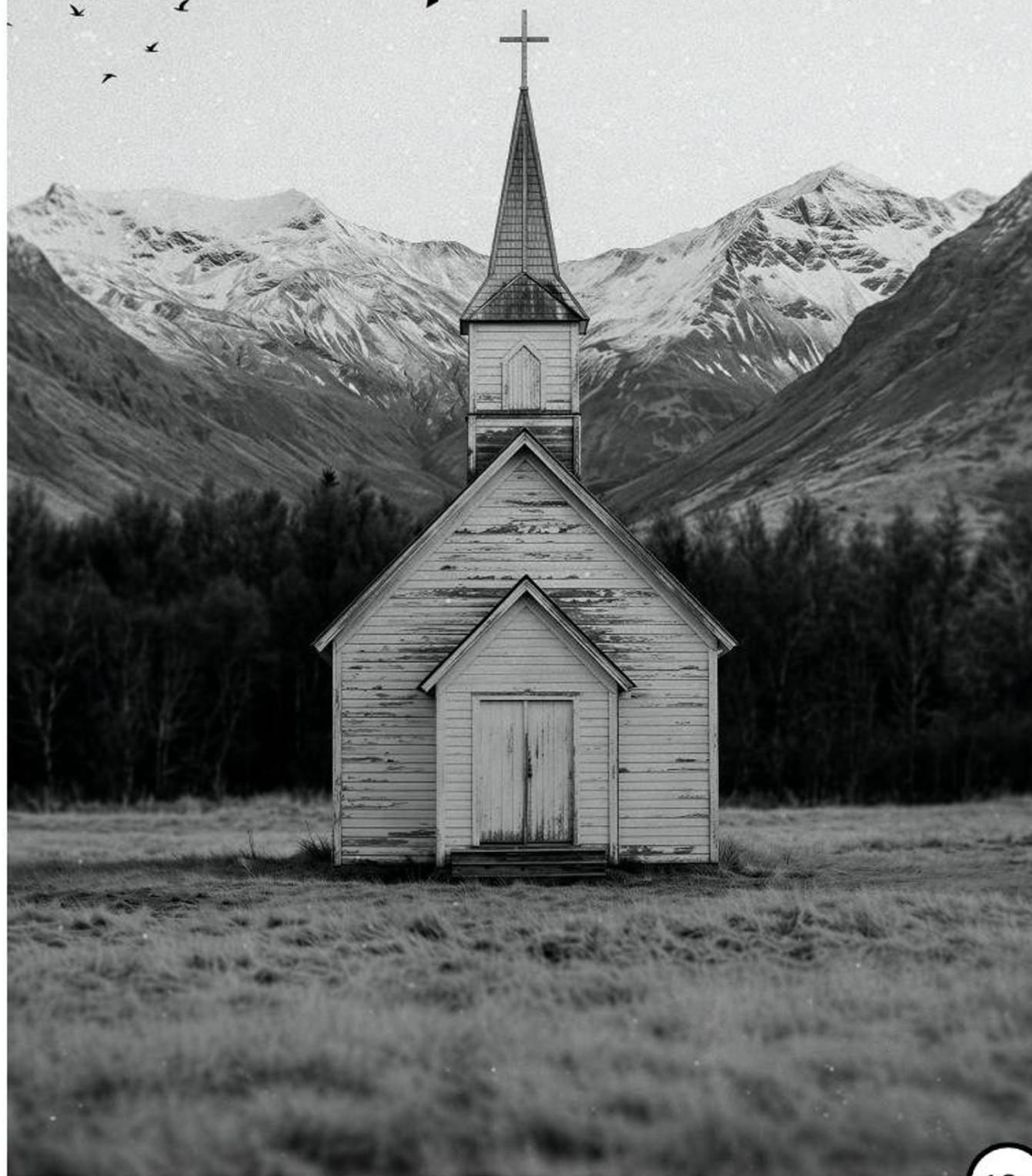

сюжет

Габриэля

КЛЕР МАРШАЛ

18+

Клер Маршал
Сюжет Габриэля

«Автор»

2026

Маршал К.

Сюжет Габриэля / К. Маршал — «Автор», 2026

Габриэль Вудс — писатель, переживающий горе, — пытается удержаться на плаву за счёт не самой благородной привычки. Пустые дни и городок, смердящий тленом беззаботной юности, стали его верными спутниками, а привычка отнекиваться от собственных чувств — обыденным укладом. Возможно ли, что даже в таком скорбном сюжете найдётся место свету? Или единственная дорога Габриэля — во тьму?

© Маршал К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Клер Маршал

Сюжет Габриэля

Глава 1

Признать слабость — всё равно что начать жить со своим прегрешением под боком, добровольно смакуя её постылую липкость и собственный стыд на задворках.

Куда проще было не чувствовать подобного. Избегать. В этом я делал успехи!

Что мне удавалось лучше всего, так это включать воображение. Без фанатизма, исключительно из прагматических соображений. Но порой — как, например, сейчас, — он становился необходимостью.

Вместо того чтобы прочувствовать раздирающее изнутри ощущение, прожить его, я превратился в стороннего наблюдателя — то же самое, что смотреть театральную постановку, но с высоты своей фантазмагии. Где жуткая монументальная фигура, по большей части сокрытая в тени облаков, была главным действующим лицом. Её костлявые длани дёргали за нити, на которых висела безвольная марионетка. Я. Искусные, отточенные движения заставили тело переломиться пополам с оглушительным треском.

Дышать. Надо дышать...

Но вернуться в себя помогло осознание: скрюченный от боли где-то в районе солнечного сплетения, уперевшийся ладонями в колени, я стою посреди оживлённой улицы. Мимо прошёл незнакомый парень. Краем глаза увидел, как он обернулся на меня со смешанными эмоциями на лице. Неудивительно! Я бы тоже паялся, не зная, что думать, если бы передо мной был кто-то на грани настоящей истерики.

Сильнее вцепившись в колени, зажмурился, после чего вернулся к дыханию.

Пока я вёл счёт количеству расплзшихся незатейливых паутинок под ногами, на спину опустилась чья-то тяжёлая рука.

— Гейб? — спросил тихий, знакомый голос с индийским акцентом.

«Чёрт! Этого мне не хватало», — подумал, поднимаясь. Вышло довольно легко. Хорошо, когда есть стимул.

Рядом стоял смуглый, коренастый мужчина на голову ниже меня. На нём была дутая куртка кислотно-жёлтого цвета. Неизменный предмет гардероба, который надевался по особому поводу — плохая погода. Приятель будто пытался заменить собой солнце.

— Самир, — кивнул вместо приветствия, замечая ещё одну деталь: на подвороте его серой шапки красовался розовый, мать его, единорог. — Думал, ты работаешь в это время.

Он потоптался на месте, убирая руки в карманы своей яркой куртки. Я невольно сделал то же самое — прятать вечно холодные пальцы в уютном пальто давно стало верной привычкой.

— Да одна из дочерей заболела. Мы с женой несём посменную вахту, — Самир невесело усмехнулся. — Вот, шёл в аптеку за жаропонижающими, а тут ты.

— Осенью все болеют, — промямлил не к месту. Но быстро исправился, не желая показаться бесчувственной скотиной: — Надеюсь, она скоро поправится.

Приятель пнул мелкий камень, запулив тот в сетку не сосчитанных трещин.

— Должна вот-вот пойти на поправку. Гейб, послушай...

Я встретился с карим омутом, в котором плескалось неподдельное сочувствие.

— Мои искренние соболезнования.

Около нас, на лавочке, сидела старуха. Настолько морщинистая, что мнилось: она наверняка застала правление Франклина Рузвельта! Старая перечница взидала на меня сквозь тон-

кие щёлки под мясистыми веками. Пришлось демонстративно фыркнуть, чтобы она отвернулась.

— Ты в порядке? — осторожно поинтересовался Самир, не дождавшись от меня какой-либо реакции.

Не знаю, что именно имелось в виду: утрата матери, моё представление на всю Мейпл-стрит или всё сразу. Ответом в любом случае было лаконичное: «Ага».

Не хотелось нагружать его своими проблемами. Не видел в этом смысла. Мы были приятелями по бару, не более того. К тому же я был завсегдатаем заведения, а Самир гостем редким, являющимся исключительно для того, чтобы расслабиться и повеселиться от души, а не надраться в хлам как некоторые. Именно поэтому выворачивать перед ним своё грязное и мучающееся нутро — не вариант. Это не нужно ни мне, ни ему. Лучше уж пересежёмся на нашем месте, и, потягивая тёмное, я попрошу рассказать про асуров или, например, Гаруду. Вдруг когда-нибудь мне захочется написать что-то связанное с индийской мифологией. В таком случае Самир убьёт двух зайцев одним махом: и поможет скоротать вечер, и займётся моим образованием.

— Я, вообще-то, шёл в бар, — попытался соскочить с этой темы. — Позвал бы, но, как понимаю, тебе не до меня.

Мужчина нахмурился.

— Да, ты прав...

Я попрощался с ним тем же жестом, которым поприветствовал.

— Увидимся.

Уже миновав несколько метров, услышал обеспокоенное:

— Постой! Завтра ты будешь один?

Когда обернулся, пластиковая «брошь» на его шапке блеснула в лучах вышедшего солнца. С приходом холодов оно стало роскошью, не балуя Сильвер-Крик теплом.

Прежде чем ответить, мне удалось выдавить вполне искреннюю улыбку.

— Нет. Со мной будут друзья.

В единственном на весь городок заведении для таких, как я, сидели всё те же унылые лица. Вечерами, конечно же, сюда заходили больше людей, в том числе спорадических, как Самир, но сейчас, среди бела дня, — одни и те же кадры.

Задира Уинслоу Шарп, знакомый мне ещё со школьных времён, сидел за своим столиком с гудящей компашкой, пожирающей тонны орешков. Иногда я думал, что они здесь только ради них. Керри Хьюстон, одетый в рыбацкий костюм, топил горечь от несостоявшегося улова. Ничего нового. Ещё несколько человек рассредоточились по тёмному залу, но барная стойка была свободна — плюс дневного визита.

Кружка любимого тёмного пива ждала меня ещё до того, как я сел на обжитое место.

— Вудс, — вздохнул бармен, вытирая руки.

Меня веселило его фактурное имя — Стенли Стоун. В хорошем смысле. Я всерьёз думал над тем, чтобы назвать так одного из своих героев, но остановило правило: люди из окружения не могут быть прототипами. Не представляю, есть ли у Стенли время и желание читать мою писанину, но смущать парня не хотелось в любом случае.

— За счёт заведения, — отчеканил он, бросая тряпку куда-то за стойку.

Я был благодарен. Но не за бесплатное пойло. Его, к счастью, в состоянии купить себе сам. А за сдержанность. Именно потому, что Стенли обладает такой чертой характера, я смог смело прийти сюда, уверенный в том, что от него не будет ненужных комментариев и у меня

получится провести немного времени за привычным занятием. Скажите, оно не самое благородное? Плевать! Оно помогает...

В кармане чёрного шерстяного пальто завибрировал сотовый, да только я, Габриэль Вудс, предводитель шайки местных выпивал, уже тянулся к кружке подрагивающей рукой. Обычно тремор обходил меня стороной; видимо, сказались *особые обстоятельства*. Стоило длинным пальцам коснуться холодного стекла, покрытого соблазнительной испариной, — всё! Мысли померкли, словно кто-то щёлкнул выключателем, а мир начал казаться ещё более серым и тоскливым, чем он есть на самом деле. И единственное спасение от его съедающей тоски и несправедливости хранилось на дне этой кружки.

Глоток.

Ресницы блаженно затрепетали, прямо как у путника в сухой раскалённой пустыне, дорвавшегося до оазиса.

И ещё глоток, и ещё...

Пока благотворное тепло не согрело пустой живот.

«Рак», — прозвучало чуть больше года назад из её уст, прямо там, в больнице, куда мы приехали на «обычное обследование». Никакой подготовки, лишь страшный вердикт.

Не было иллюзорных надежд. Я знал, куда всё идёт, ошибочно полагая, что готов. Ведь одиннадцать лет назад, в пятнадцать, уже похоронил Вивьен. На деле же реальность, где родная мать, выступающая жизненным оплотом, делает последние вздохи на твоих глазах, уничтожает любую нахальную уверенность в пыль. Оставляет после себя ощущение распотрошения: зияющая рана кровоточит вдоль всего тела, от макушки до пяток, а внутри — пустота. Всеобъемлющее ничто.

Новый глоток, чтобы остудить мысли.

— Они когда-нибудь уходят отсюда? — спросил, косясь на смеющуюся на весь бар компанашку Уинслоу. — Или прописались с концами?

Протирающий бокалы Стенли хмыкнул.

— Порой приходится выгонять их за шею, особенно Шарпа. На прошлой неделе пришлось угрожать копами, чтобы он наконец поднял свой толстый зад и свалил прочь.

— Этот говнюк вечно доставляет проблемы. Ещё со школьной скамьи.

— В курсе, — бармен, закончив с натиранием бокалов до блеска, потянулся к держателю, обнажая мышцы, выглянувшие из-под задравшегося рукава фирменной футболки. — Я же учился с вами, но на пару классов старше.

Стоун выглядел как типичный футболист, даже после выпуска из школы: рослый, крепкий, красивый — судя по тому, сколько девчонок вешалось на него в своё время. Обаятельный, несмотря на свою каменную холодность, соответствующую имени. А года два назад отрастил густую бороду, благодаря чему органично слился с барной стойкой, ярко контрастирующей с футбольным полем.

— Точно, — кивнул я.

В кармане снова завибрировал телефон. Достав его и нажав на кнопку блокировки экрана, смахнул уведомление от приложения, под которым крылось сообщение от Луиса: «Мы в Монтане. Завтра, как и договаривались?»

Строча ответ и попутно допивая пиво, подозвал Стенли.

— Эй, — показал пальцем на бутылку виски и полез за бумажником, — продашь?

Он зыркнул глазами, но протянул товар, параллельно забирая купюры.

Ухватившись за горлышко, наплевательски понёс пойло прямо так, не таясь, и пошёл к выходу. У которого, как обычно в это время, лежала удочка и кан для рыбы Керри Хьюстона. Когда я открывал дверь, отделявшую внешний мир от этого — густого, забродившего, тёмного, — в голове вырисовывался чёткий образ: посетители, точно вампиры, шипели и скалились, стоило крохам дневного света проникнуть в бар.

Утро выдалось ублюдским. Пришлось приложить немалое усилие, чтобы разлепить намертво склеенные глаза. С потоком минут, тянувшихся за этим занятием, возвращалось сознание, а вместе с ним, по инерции, накатывала головная боль. Я зашипел от внезапного прострела в виске, прижимая ладонь к очагу, ожидая, когда свербящее ощущение сойдёт на нет.

На прикроватной тумбочке валялись спутанные наушники, телефон и опрокинутая бутылка виски. Пустая. Ну, почти. Кое-как приподнявшись на локтях, увидел, что внутри, на опрокинутой стенке, скопились увесистые капли. Они имели чистый, почти художественный цвет, словно в тару подлили расплавленный янтарь. Смотришь — и против воли вспоминаешь вкус, что, по сути, не страшно. А вот запах...

Лишь чудом мне удалось добежать до туалета, игнорируя позывы выворачиваемого наизнанку желудка.

Захлопнув крышку и нажав на слив, вытянул на полу долговязые ноги, сложив руки на унитаза, как сонный студент на парту. Сердце колотилось, хмельная кровь шумела в ушах. А во рту так кислило, будто съел заплесневелый лимон!

Нужно собраться. Вот только не было желания видеть её в чёртовом гробу. Это казалось нелепым, ведь она буквально умирала на моих глазах. Я наблюдал, как из её тела утекала жизнь, словно вода сквозь пальцы. Грудь становилась ровной, неподъёмной, а взгляд — бессмысленным. Упокоенным после долгой агонии.

О да, это не было чем-то тонким и красивым, как показывают в фильмах, где близкие друг другу люди держатся за руки, пока умирающий произносит высокодуховную речь. В реальности на неё попросту не нашлось бы сил. Всё происходило без флёра романтизации. Мне никогда не забыть сладковатую вонь, висевшую в тот день в воздухе...

Именно поэтому атрибут в виде деревянного ящика — мелочь. Самое страшное позади. Похороны — это формальность для других людей. Моё прощание состоялось. Тем не менее я ничего не мог поделать с клокочущим под рёбрами трепетом.

Поднявшись на дрожащих коленях, схватил зубную щётку и пасту из специального стаканчика на раковине и поплёлся с этим добром в душ, мимоходом цепляя своё отражение в зеркале: косматые выющиеся волосы чёрного цвета, статный нос, изнурённые карие глаза с залёгшими под ними тенями, и острые, точно лезвие ножа, скулы, выделявшиеся на фоне впалых щёк. Когда мой вид не был таким измождённым, я походил на некогда сбежавшего от ответственности отца — такой же бледный, тощий...

Трусливый? Отличный вопрос.

Слабовольный? Ещё как!

До того как выпить в одного бутылку виски, я заранее подготовил одежду, прекрасно понимая: утром будет не до того. От классического костюма, купленного ещё в школе, подходил лишь верх. Брюки оказались короткими — пришлось заменить их серыми джинсами. Благо, чёрных футболок в шкафу хоть отбавляй.

Одевшись, покинул дом, выходя под порывы хлеставшего по щекам ветра. Он как будто приводил меня в чувство, не давая раскиснуть. Поёжившись, застегнул пальто, поднимая взгляд к небу: свинцовые тучи накрыли город мрачным куполом; издали слышалась грохочущая гроза.

«Лишь бы дождь начался *после* захоронения».

Цветные листья клёна — жёлтые, красные и коричневые, — прокатились по двору, неназойливо привлекая внимание своим шелестящим танцем. Проследив за этим причудливым вихрем, остановил взор на дереве, с которого упали краски: под ним, на поросших мхом корнях, виднелся серый, несуразный и неуместный бугорок.

Я закатил глаза, приняв решение игнорировать соседского кота, повадившегося спать на моей территории.

Он же, заметив *хозяина дома*, с интересом приподнял свою маленькую голову, поведя острыми ушами. Клянусь, когда проходил мимо, этот засранец взирал на меня блестящими глазами-пуговками: в них читалось разочарование от несостоявшейся взбучки. А может, кто-то просто недостаточно трезв.

Пестрящая синим машина — заметное пятно на фоне безрадостной осени, выкрашенной в пожухлые тона, — плавно притормозила на обочине. Юркнув в неё, я окунулся в тепло печки и в аромат кожи с примесью масел ароматизатора.

— Чувак, — приветственно протянул водитель, вальяжно откидываясь на кресле, — сколько лет!

Пришлось задуматься.

— Года три?

— Точно, — Луис Хилл тоже покопошился в памяти. — В последний раз это было, когда мы с Джоди приезжали на День благодарения в двадцать третьем. Секунду!

Хлопнув дверью, друг вышел наружу и трусцой подбежал к капоту, морщась от сильного ветра. Его расстёгнутый алый бомбер, скрывающий под собой костюм, рубашку и галстук, мотылялся на ветру вместе с русой шевелюрой. Подняв крышку, он на время исчез из моего поля зрения. Послышалось поскрёбывание по металлу, после чего Луис вернулся в автомобиль.

— Как она, кстати? — спросил я, пока друг возился с ремнём безопасности. — Джоди могла бы и не приезжать.

Тот фыркнул.

— Будто ты её не знаешь. Ей закрыт путь на похороны, но она хочет повидаться с тобой, — управившись с ремнём, Луис завёл мотор, но с места не тронулся.

На идеально натёртую переднюю панель, практически блестящую от чистоты и скрупулёзного ухода, осела пара пылинок, до того прокружившихся в элегантном вальсе. Наверняка затейницы залетели с улицы, возможно, с моего пальто. Я замер, наблюдая за этими белёсыми точками, почти слившимися с текстурным пластиком...

Пока на плечо не опустилась ладонь, по-приятельски сжав его.

Дождавшись, когда я поверну к нему голову, Луис, внимательно пробежавшись по моему лицу зелёными радужками, поинтересовался:

— Едем?

Получив одобрение — будто у меня был выбор, — он вырулил на пустую дорогу, ведя своего «ретро-малыша» по направлению к центральной улице. Через неё проще всего добраться до леса.

Холода в этом году пришли рано. Местные начали кутаться в тёплые вещи аж в августе, а верхушки гор, видневшиеся практически из каждой точки Сильвер-Крик, заблаговременно припорошило пушистым снегом. Друг то и дело поглядывал на их величие — в Монтгомери виды не такие.

— Почему вы приехали на машине? — задал логичный вопрос. — На самолёте же быстрее, да и безопаснее.

Луис Хилл обожал старые машины. Всё его детство прошло под покровительством отца в гараже: там они часами перебирали карбюратор какой-нибудь безнадёжной развалюхи, чтобы дать той шанс на вторую жизнь, чистили коррозию или читали книги по автодиагностике. Удивительно, что Луис не пошёл по стопам отца и не стал механиком. Однако страсть к раритетным авто никуда не делась.

Вот и сейчас он пересёк несколько штатов на восстановленном собственными силами Chevrolet Caprice 1972 года выпуска.

— Это всё Джоди, — Луис притормозил на пешеходном переходе, пропуская стайку перебегающих школьников, бьющих друг друга тяжёлыми портфелями. Мальчишки беззаботно смеялись на всю округу, являя миру счастливые беззубые улыбки. — Она назвала поездку «своим последним приключением» и запретила даже думать о билетах на самолёт.

— Всё держит тебя в ежовых рукавицах?

— Заткнись, Гейб, — он прыснул. — У самого-то как на личном?

Дорога обезлюдела, и машина покатила дальше, вопреки моему желанию остаться здесь, у пешеходного перехода.

Пожал плечами.

— Не до того было. Эй, заглянем в цветочную лавку на Мейпл-стрит?

Сказав, что я «читаю его мысли», Луис прибавил газу, тоже вживаясь в роль телепата: звенящая тишина была вытеснена его рассказами о личной жизни, без попыток расковырять мою молчаливую душу.

Старая церквушка, носившая имя Святой Моники, стояла на отшибе у кромки леса; шпиль, уходящий в крест, драматично тянулся к вершушкам гор, затерявшихся вдаль. Сколоченная из досок, когда-то она была белее облаков в погожий день. Помнится, в детстве, когда меня привозили на службы каждое божье воскресенье, я считал это место красивым. Мне нравилось, что после всего мама оставляла меня и уходила к щебечущим женщинам, чьи разговоры казались утомительными для юных умов, и мы с Вивьен сбегали в лес смотреть на ручей. Нынче он высох, а доски облупились и потемнели от времени. Сюда не ходили прихожане: все посещали новую церковь в центре города.

Священник согласился провести церемонию именно здесь из-за взятки. Это не было чем-то омерзительным — место многое значило для моей глубоко верующей матери.

Фляжка, припрятанная во внутреннем кармане пальто, обожгла грудь, напоминая о своём незримом присутствии. Я посмотрел на Луиса, убирающего свой красный бомбер на заднее сиденье Chevrolet Caprice. Дёрнулся туда же, за цветами, чтобы побыстрее сбросить это горячее наваждение.

Вокруг, на импровизированной стоянке, уже разместилось несколько машин. От одной из них — припаркованной ближе всех ко входу, — бросало в дрожь: чёрная, вытянутая, с приподнятой крышей, она походила на угловатого жука, выползшего из земли. И стояла здесь, наготове, неспроста, а чтобы утащить туда же, в гниющую вечность.

С силой сжав перевязанные лентой белые розы, игнорируя боль от вонзающихся в кожу шипов, зашагал к церкви. Луис остался позади, но быстро нагнал меня: с каждым минуемым метром запал гас. Я словно бы стал героем кино замедленного действия. Или то просто страшный сон, где ты усердно бежишь к цели, как вдруг становишься ватным, обмякшим, когда финиш — всё более далёким...

Остановился.

Рука сама, на автомате, потянулась к сердцу — точнее, к тому, что спрятано подле него, — но вставший плечом к плечу друг поломал все планы. Кисть безвольно опала, оставляя пересохшие губы и горло не смоченными.

— Можешь... не идти со мной к ней? — голос сипел.

— Без проблем, чувак, — Хилл тяжело вздохнул и повертел в руках две хризантемы. — Думаю, никто не станет тебя трогать.

Отчего-то его слова дали мне сил.

Святая Моника сияла чистотой. Работёнка, конечно, была: следовало подкрасить полы, оконные рамы, возможно, заменить пару лавок, но в целом внутренности остались неизмен-

ными, не тронутыми погаными капиталистами, решившими: чем ближе подобное место к народу — тем больше денег можно с него стянуть. Религиозное убранство в своё время оставили томиться под слоем пыли, закупив для центральной церкви всё новое, с иголки. Вложения, которые окупались. Опять же, пришлось заплатить за уборку. Вчера утром я заглядывал сюда проверить обстановку, и остался доволен. Не было ни намёка на запустение церкви; октябрьский ветер просачивался из открытых окон, украшая пространство приятными нотками влажной листвы и свежего горного снега.

Ничего подобного сегодня не предвиделось. Воздух был спёртым и плотным, до слёз. Повсюду горели свечи — запах жжёного воска ощущался сродни чему-то химическому, небезопасному. И, само собой, ладан. Кадильницу держал диакон, который стоял в ожидании священника у похоронного пьедестала, на который возвели гроб с телом моей матери.

Сердце не ёкнуло. По крайней мере, не от лицемерия ничего не значащего ящика.

Вот миссис Уэллс захлёбывалась в слезах. Её сотрясающаяся макушка, прижатая к плечу мужа, казалась самой громкой из всех пришедших на мессу. Наверняка она считала: вот оно, лицо смерти! Худшее, что может быть — видеть близкую подругу возлётшей под крестом. Мне же довелось лишь убедиться в условности происходящего. Бестолковый, почти детский страх перед гробом отступил — это и правда не идёт ни в какое сравнение с тем, что пришлось увидеть ранее.

Надрывно вздохнув, понял, что оттягивать нельзя.

Раскрасневшаяся и опухшая миссис Уэллс потянулась ко мне, стоило проплыть мимо. Отмахнулся. Меня не волновала ни она, ни другие собравшиеся. Единственная, кому хотелось уделить положенное внимание, находилась впереди, освещённая свечами точно софитами.

Еле слышно прошептал:

— *Привет.*

В ответ — молчание. Не по воле. По року.

Мои ресницы намокли, но влага не посмела скатиться по щекам.

Раньше я не задумывался над тем, какая она всё-таки миниатюрная. Лет в пять считал, что мама выше, сильнее и умнее всех остальных! Что мама способна на всё. Она вылечит, накормит, искупает, купит очередной ланч-бокс с супергероем, чтобы у сына собралась полная коллекция. В конце концов, не покинет. Позже, в юности, когда пошёл в рост, я не обратил внимание на нашу разницу в росте, ведь многие сделались ниже. Сейчас же словно впервые открыл глаза, осознавая, насколько тонки её уже холодные кисти, ключицы и овал лица, обрамлённый светлыми прядями.

Гроб был слишком велик для этого хрупкого тела. Она тонула в нём.

Не представляю, сколько прошло времени, но успел появиться священник. Отведя диакона в сторону, они тихо о чём-то беседовали, не тревожа моего застывшего ума. Посмотрев на маму в последний раз, возложил цветы и, разворачиваясь на пятках, заспешил к выходу, попутно сталкиваясь с Луисом.

Воздух. Мне нужен воздух!

И ещё кое-что...

Выскочив наружу, на просторную поляну, где пахло чистым лесом и травой, шмыгнул за церковь, чтобы скрыться от чужих глаз. Фляжка доставалась на ходу.

Привалившись к пошарпанной стене, неуклюже открутил мелкую крышку, припадая к горлышку. Поток крепкого виски обжёт губы, горло и голодный желудок — тот протестующе заурчал, требуя еды, а не этой дряни.

Вот только мне было всё равно. Как ветер гулял в волосах — так и пакостные нужды остужались от влияния алкоголя. Облегчённо прикрыв веки и погрузившись в кромешную темноту, запрокинул голову, подставляя лицо вместо кудрей. Но порыв, обязанный нести в себе аромат природы, приволок за собой чуждое — дым сигарет с ментолом.

— Габриэль?

М-да, следовало быть более осмотрительным...

Неспешно повернувшись на голос, встретился с ясным взглядом, подобным летнему небу.

— Дана, — выдохнул я, смотря как девушка, зажавшая меж пальцев сигарету, другой рукой заправляет за ухо взъерошенную погодой прядь рыжих волос. И идёт ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.